

Гендерные различия киберагрессии в подростковом возрасте

С. С. Антипина¹, Е. В. Бахвалова¹, А. В. Микляева¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Сведения об авторах:

Антипина Светлана Степановна

e-mail: sveta-anti@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6807-8141

Бахвалова Елена Владимировна

e-mail: e.v.bakhvalova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1422-2635

SPIN-код РИНЦ: 5790-9131

Микляева Анастасия

Владимировна

e-mail: miklyaeva@herzen.spb.ru

ORCID 0000-0001-8389-2275

SPIN-код РИНЦ: 9471-8985

© Авторы (2019).

Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, направленного на сравнение мотивов и личностных предпосылок киберагрессии мальчиков и девочек подросткового возраста. Теоретическую основу исследования составил подход, предложенный К. С. Рунионсом (Runions 2013), в соответствии с которым выделяются четыре типа агрессивного поведения в Интернете: импульсивно-инициативный, импульсивно-ответный, произвольно-инициативный, произвольно-ответный. Сбор данных осуществлялся с помощью Типологического опросника киберагрессии, опросника «Сильные стороны и трудности», проективного рисунка «Человек под дождем», Индикатора копинг-стратегий, анкеты для оценки вовлеченности подростков в интернет-коммуникацию. В исследовании приняли участие 130 подростков в возрасте 10–16 лет, из них 56,2 % девочек и 43,8 % мальчиков, учащихся 5–9 классов общеобразовательных школ Санкт-Петербурга и Ленинградской области. В результате исследования было установлено, что девочки-подростки достоверно чаще, чем мальчики, фиксируют проявления киберагрессии в свой

адрес, однако при этом существенно реже демонстрируют импульсивные агрессивные ответы. Показатели склонности к киберагрессии в обеих выборках отрицательно связаны с показателями проблемности поведения и избегания как предпочитаемой копинг-стратегии, а также количеством времени, которое подросток, по его оценке, проводит в Интернете, при этом взаимосвязи между показателями склонности к киберагрессии и агрессивности отсутствуют. В выборке мальчиков преобладают импульсивные формы киберагрессии, для которых характерно желание удовлетворить свои сиюминутные потребности (в эмоциональной разрядке или развлечении) при отсутствии интереса к состоянию собеседника, к которому, как правило, нет ярко выраженного враждебного отношения. Девочки, напротив, более склонны к произвольным формам киберагрессии, посредством которых они часто реализуют свои притязания на внимание со стороны сверстников. В совокупности эти данные не позволяют однозначно квалифицировать подростковую киберагрессию как индикатор проблемного становления личности и предполагают смещение фокуса психологического анализа киберагрессии на осмысление этой формы поведения как одного из способов решения возрастных задач развития подросткового возраста, релевантного условиям жизни в современном цифровом обществе.

Ключевые слова: подростки, киберагрессия, копинг-стратегии, личностные особенности, мальчики, девочки.

Gender differences in adolescent cyber-aggression

S. S. Antipina¹, E. V. Bakhvalova¹, A. V. Miklyaeva¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia,
48 Moika River Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Authors:

Antipina Svetlana S.

e-mail: sveta-anti@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6807-8141

Bakhvalova Elena V.

e-mail: e.v.bakhvalova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1422-2635

SPIN: 5790-9131

Miklyaeva Anastasia V.

e-mail: miklyaeva@herzen.spb.ru

ORCID 0000-0001-8389-2275

SPIN: 9471-8985

Copyright:

© The Authors (2019).

Published by Herzen State

Pedagogical University of Russia.

Abstract. The article presents the results of a study aimed at comparing the motives for and personality traits associated with cyber-aggression in adolescent boys and girls. Cyber-aggression was studied within the framework suggested by Kevin Runions (2013), which distinguishes between four distinct types of cyber-aggression: impulsive-aversive, controlled-aversive, impulsive-appetitive, and controlled-appetitive. The following tools were used for data collection: Cyber-Aggression Typology Questionnaire, Strengths and Difficulties Questionnaire, Man in the Rain Projective Drawing Technique, Coping Strategy Indicator and Adolescent Online Communication Involvement Questionnaires. A sample of 130 Saint Petersburg and the Leningrad Region secondary general education school students aged 10–16 participated in the study, of which 56.2 % were girls and 43.8 % were boys. Study findings suggest that adolescent girls are targeted by cyber-aggression statistically more often than boys, demonstrating, however, a lower incidence of impulsive retaliatory responses. In both samples cyber-aggression indicators are inversely correlated with problem behaviour indicators and the use of avoidance as the primary coping strategy, as well as with self-reported amount of time the adolescent spends online.

However, no correlation between aggression and cyber-aggression was found. Boys are more prone to impulsive cyber-aggression geared towards satisfying their immediate needs (blowing off steam or entertainment) coupled with their disregard for the emotional state of the interlocutor and the general lack of particular hostility towards their target. Girls, in contrast, tend to engage in spontaneous cyber-aggression seeking their peer's attention. In sum, these findings do not allow us to qualify adolescent cyber-aggression as an indicator of unhealthy personality development, prompting a shift in psychological research of cyber-aggression towards viewing this type of behaviour as a tool adolescents use to solve specific age-related development tasks in the context of modern digital society.

Keywords: adolescents, cyber-aggression, coping strategies, personality traits, boys, girls.

Введение

Стремительное развитие Интернета создает новые формы коммуникации. По данным на 2016 год, в России около 92 % подростков ежедневно пользуются Интернетом, и почти две трети из них «всегда онлайн». С одной стороны, расширение он-

лайн-коммуникаций предоставляет подросткам возможности для создания и поддержания дружеских контактов. С другой стороны, это провоцирует рост принципиально новых проблем, в числе которых – киберагрессия, понимаемая как умышленное причинение вреда другим пользователям для утверждения собственной личностной

значимости (Gini, Card, Pozzoli 2017). По данным Г. У. Солдатовой, С. В. Чигарковой и Е. Н. Львовой, 46 % российских подростков становятся свидетелями киберагрессии, а 44 % получают агрессивные сообщения (Солдатова, Чигаркова, Львова 2017).

Согласно результатам исследования К. С. Runions (Runions 2013), киберагрессия подростков может быть описана в двух ортогональных измерениях: мотивационные цели (инициативная или ответная киберагрессия) и регуляторный контроль (импульсивная или произвольная киберагрессия). Эта модель предполагает четыре мотива подростковой киберагрессии. Импульсивно-ответная форма киберагрессии представляет собой ответную реакцию на провокации других пользователей, вызванную негативным эмоциональным состоянием агрессора («ярость»). Произвольно-ответная агрессия предполагает действия, основанные на самоконтроле, призванные компенсировать негативные эмоциональные эффекты, вызванные поведением партнера по интернет-коммуникации («месть»). Импульсивно-инициативная киберагрессия проявляется спонтанно, действия осуществляются без внимания к долгосрочным последствиям и определяются положительными эмоциями от текущего агрессивного акта («отдых»). Произвольно-инициативная киберагрессия направлена на достижение положительных эффектов в долгосрочной перспективе, например, получение бонусов в отношениях со значимыми другими («вознаграждение»).

По мнению авторов данной модели, каждая форма киберагрессии имеет свои уникальные психологические детерминанты, однако эмпирические данные, иллюстрирующие это утверждение, достаточно фрагментарны. В связи с этим в нашем исследовании изучались личностные предпосылки киберагрессии подростков. При разработке программы исследования мы опирались на

тезис о том, что киберагрессия является одной из форм девиантного поведения (Chibbaro 2007), что обусловило необходимость рассмотрения связей между киберагрессией и различными формами эмоциональных и поведенческих проблем, а также способов их преодоления подростками. Помимо этого, в ходе исследования уделялось внимание изучению тех личностных особенностей подростков, которые традиционно связываются со склонностью к агрессии (самооценка, тревожность, демонстративность, враждебность и т. д.).

Отдельного внимания заслуживает гендерная специфичность киберагрессии в подростковом возрасте. Известно, что в агрессивном поведении подростков ярко проявляются гендерные различия, обусловленные различиями социальных ролей, требованиями и ожиданиями в отношении поведения мальчиков и девочек в различных ситуациях (Копейко 2006). Однако поведение в киберпространстве существенно отличается от поведения в реальной жизни, в условиях взаимодействия «лицом к лицу» (Войскунский 2016). Киберагрессия реализуется принципиально иными средствами и в принципиально иных условиях, в сравнении с агрессией, проявляемой в непосредственном взаимодействии (O'Moog, Minton 2009; Suler 2004; Бочавер, Хломов 2014), что обусловливает актуальность изучения гендерных особенностей подростковой киберагрессии как самостоятельной проблемы. При этом представляется целесообразным изучать не выраженность киберагрессии среди мальчиков и девочек подросткового возраста, которая, по данным целого ряда исследователей, находится в примерно одинаковом диапазоне значений, а различия в предпосылках возникновения и формах проявления киберагрессии (Schoffstall, Cohen 2011; Wright 2016).

На основе анализа данных, представленных в литературе, мы сформулировали сле-

дующие исследовательские вопросы: 1) Существуют ли различия в мотивах киберагрессии мальчиков и девочек подросткового возраста? 2) Как связаны между собой склонность к киберагрессии и вовлеченность в интернет-коммуникацию в выборках мальчиков и девочек? 3) Каковы личностные предпосылки различных мотивов киберагрессии мальчиков и девочек?

Материалы и методы

Целью настоящего исследования явился анализ распространенности разных мотивов киберагрессии среди мальчиков и девочек подросткового возраста, а также анализ универсальных и гендерно-специфичных личностных предпосылок киберагрессии в подростковом возрасте. В ходе исследования проверялись следующие гипотезы: 1) мотивы киберагрессии мальчиков и девочек подросткового возраста существенно различаются; 2) склонность к киберагрессии имеет положительную взаимосвязь с вовлеченностью подростка в интернет-коммуникацию (независимо от пола); 3) личностные предпосылки киберагрессии подростков отражают возрастные задачи развития и имеют выраженную гендерную специфику.

В исследовании приняли участие 130 подростков, учащихся 5–9 классов общеобразовательных школ Санкт-Петербурга и Ленинградской области в возрасте 10–16 лет ($M=14,02$, $SD=0,69$, 56,2 % девочек). Исследование проводилось в школах во внеурочное время. Участие в исследовании было добровольным. Подростки, принявшие участие в исследовании, предварительно получили согласие родителей. Материалы для исследования были представлены участникам в формате «карандаш-бумага», заполнение анкет занимало примерно 30–35 минут.

Склонность к киберагрессии и ее ведущие мотивы оценивались с помощью опросника «Типология киберагрессии» (Runions, Vak, Shaw 2017). Опросник позволяет оценить общую склонность к киберагрессии, а также

различные мотивы киберагрессивного поведения (импульсивно-инициативный, импульсивно-ответный, произвольно-инициативный, произвольно-ответный). Оригинальный вариант опросника содержит 29 пунктов, которые оцениваются по 5-балльной шкале Лайкерта. В процессе перевода и адаптации опросника количество пунктов в каждой шкале анкеты было сокращено до 5 для удобства сравнения шкал друг с другом ($min=5$, $max=25$). Сокращение осуществлялось на основе расчета внутренней согласованности шкал с помощью альфы Кронбаха, которая в результате составила 0,92 для шкалы «импульсивно-ответная киберагрессия», 0,78 для шкалы «произвольно-ответная киберагрессия», 0,96 для шкалы «произвольно-инициативная киберагрессия» и 0,96 для шкалы «импульсивно-инициативная киберагрессия». Общая тенденция к киберагрессии оценивалась по суммарному значению всех шкал ($min=20$, $max=100$).

Оценка вовлеченности подростков в интернет-общение проводилась с помощью анкетирования. Анкета включала в себя 5 вопросов: 1) Сколько часов в день вы проводите в Интернете? (менее часа; 1-3 часа; 4-8 часов; 12 часов и более); 2) Сколько часов вы тратите на общение в социальных сетях, чатах, форумах? (менее часа; 1-3 часа; 4-8 часов; 12 часов и более); 3) Как часто вы проявляете агрессию во время общения в Интернете? (никогда; редко; иногда; часто; постоянно); 4) Как часто вы встречаете агрессию от других людей в свой адрес во время общения в Интернете? (никогда; редко; иногда; часто; постоянно); 5) Удовлетворены ли вы своим общением в Интернете? (совсем не удовлетворен; не удовлетворен; затрудняюсь ответить; удовлетворен; полностью удовлетворен).

Личностные предпосылки киберагрессии изучались с помощью опросника «Сильные стороны и трудности» (CCT, R. Goodman et al., в адаптации Е. Слободской, М. Розенбушем, Н. Бодягиной и др.), Индикатора копинг-

стратегий (ИКС, Дж. Амирхан, в адаптации А. Г. Грецова, А. А. Азбель) и проективного рисунка «Человек под дождем» (ЧпД, Е. В. Романова, Т. И. Сытько). Проективный рисунок оценивался по параметрам «ресурсы совладания с трудностями», «самооценка», «агрессивность», «тревожность», «демонстративность», «враждебность мира» и «общительность» с использованием ранговой 5-балльной шкалы, для верификации оценок применялся метод двойной слепой экспертизы с последующим сопоставлением оценок с помощью корреляционного анализа (r_s коэффициент Спирмена). Коэффициент Спирмена применялся также и при обработке основного массива данных для выявления взаимосвязей между мотивами киберагрессии, вовлеченностью подростков в интернет-коммуникацию, проблемным поведением, копинг-стратегиями и особенностями личности. Сравнительный анализ осуществлялся с помощью критерия Манна-

Уитни (Z) и теста Фишера (ϕ^*). Для вычислений использовался пакет статистических программ IBM SPSS Statistics.

Результаты исследования и их обсуждение

Согласно полученным результатам, гендерные различия показателя склонности к киберагрессии, а также показателей выраженности отдельных мотивов киберагрессии оказались не слишком существенными. Единственное различие между выборками мальчиков и девочек было обнаружено по показателю «импульсивно-ответная агрессия», который оказался выше в выборке мальчиков. В целом для подростков в несколько большей степени характерны инициативные формы киберагрессии, в сравнении с ответными, причем для мальчиков более свойственна импульсивно-инициативная киберагрессия, а для девочек – произвольно-инициативная (см. таблицу 1).

Таблица 1. Мотивы киберагрессии в выборках мальчиков и девочек

Мотивы киберагрессии	Мальчики (M±S)	Девочки (M±S)	Z
Импульсивно-ответная	17,02±3,09	15,78±3,38	-1,93*
Произвольно-ответная	15,76±3,57	15,98±3,14	-
Произвольно-инициативная	17,79±3,79	18,46±2,27	-
Импульсивно-инициативная	18,12±2,74	17,61±2,98	-
Суммарный показатель	68,69±10,77	67,83±9,62	-

При этом результаты анкетирования показали, что девочки достоверно чаще, в сравнении с мальчиками, фиксируют проявления агрессии в свой адрес в интернет-коммуникации ($\phi^*=2,87$, $p<0,01$), при том, что различий по разным параметрам вовлеченности в интернет-коммуникацию между выборками мальчиков и девочек получено не было. В совокупности с данными, представленными в таблице 1, мы можем предполагать, что проявления агрессии в интернет-коммуникации со стороны девочек носят значительно более продуманный и контролируемый характер, в то время как маль-

чики чаще действуют импульсивно, их поведение в большей степени зависит от действий партнера по коммуникации. Таким образом, первая гипотеза нашего исследования может считаться подтвержденной.

Сравнительный анализ показателей, рассматриваемых нами в качестве индикаторов личностных предпосылок киберагрессии, не выявил различий между выборками мальчиков и девочек по параметрам самооценки, агрессивности, тревожности, враждебности мира (все – на основе анализа рисунков «Человек под дождем»), различных психологических свойств, позволяющих проследить влияние имеющихся проблем подростка на

разные стороны его/ее социальной жизни (опросник «Сильные стороны и трудности»), тенденций к использованию копинг-стратегий «самостоятельное решение проблем» и «избегание проблем» (Индикатор копинг-стратегий). Достоверные различия полу-

чены только по параметрам «поиск социальной поддержки» и «демонстративность», показатели которых оказались выше в выборке девочек, а также «общительность», более высокие оценки которой были обнаружены в выборке мальчиков (см. таблицу 2).

Таблица 2. Личностные предпосылки киберагрессии в выборках мальчиков и девочек

Личностные характеристики	Мальчики (M±S)	Девочки (M±S)	Z
Самостоятельное решение (ИКС)	14,45±5,39	13,74±3,81	-
Поиск поддержки (ИКС)	11,98±4,67	13,96±4,37	2,12*
Избегание (ИКС)	10,62±4,44	10,96±4,05	-
Просоциальное поведение (ССТ)	7,95±1,99	8,15±1,93	-
Гиперактивность (ССТ)	3,31±2,16	3,91±1,84	-
Эмоциональные проблемы (ССТ)	3,07±2,47	3,41±2,49	-
Проблемы в поведении (ССТ)	3,14±1,51	2,89±1,97	-
Проблемы общения (ССТ)	3,60±2,00	2,96±1,76	-
Общее число проблем (ССТ)	13,05±5,64	13,11±5,50	-
Ресурсы совладания с трудностями (ЧпД)	1,88±0,89	2,64±1,43	-
Самооценка (ЧпД)	2,93±0,78	2,93±0,58	-
Агрессивность (ЧпД)	2,32±0,93	2,04±0,90	-

Результаты корреляционного анализа показали, что склонность к киберагрессии в целом и ее отдельным формам в частности отрицательно связана с возрастом подростков, что характерно как для выборки мальчиков, там и для выборки девочек. Универсальными для обеих выборок оказались также отрицательные связи киберагрессии с копинг-стратегией «избегание», показателем поведенческих проблем, суммарным показателем «общее число проблем», а также самооценкой вовлеченности в интернет-коммуникацию. Гендерно-специфичными оказались взаимосвязи между показателем произвольно-инициативной киберагрессией и демонстративностью, а также произвольно-ответной киберагрессией и общительностью в выборке девочек (аналогично – с суммарным показателем киберагрессии), а также отрицательные взаимосвязи произвольно-ответной киберагрессии – враждеб-

ности мира и импульсивно-ответной киберагрессии – общительности в выборке мальчиков (в последнем случае зафиксирована аналогичная взаимосвязь между суммарным показателем склонности к киберагрессии и общительностью). Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 3.

Таким образом, наша гипотеза о том, что тенденция к киберагрессии положительно связана с вовлеченностью подростка и интернет-коммуникацией, была опровергнута. И мальчики, и девочки, более склонны к проявлению киберагрессии в условиях ограничения времени использования Интернета. Можно предположить, что данный результат демонстрирует потенциальное разнообразие мотивов интернет-коммуникаций подростков, в числе которых киберагрессия не является наиболее значимым. В соответствии с третьей гипотезой мы можем конста-

Таблица 3. Результаты корреляционного анализа (r_s , $p \leq 0,05$)

Параметры	Мотивы киберагрессии				Суммарный показатель
	ИО	ПО	ПИ	ИО	
В выборке девочек					
Избегание (ИКС)	-0,36	-0,37	-0,47		-0,44
Проблемы в поведении (ССТ)			-0,31	-0,38	-0,30
Общее число проблем (ССТ)				-0,33	-0,31
Вовлеченность в интернет-коммуникацию (анкета)			-0,52	-0,37	-0,39
Демонстративность (ЧпД)			0,44		0,32
Общительность (ЧпД)		0,37			0,44
Возраст	-0,45	-0,42	-0,57		-0,36
В выборке мальчиков					
Избегание (ИКС)			-0,34	-0,40	
Гиперактивность (ССТ)	-0,32		-0,33		
Проблемы в поведении (ССТ)	-0,36		-0,34		-0,33
Общее число проблем (ССТ)	-0,33		-0,41		-0,35
Вовлеченность в интернет-коммуникацию (анкета)	-0,38	-0,33			
Враждебность мира (ЧпД)		-0,42			
Общительность (ЧпД)	-0,41				-0,37
Возраст	-0,56	-0,48	-0,51	-0,40	-0,46

тировать гендерные различия в личностных предпосылках киберагрессии, которые в выборке девочек имеют преимущественно произвольные формы и связаны, прежде всего, с реализацией потребностей в общении и привлечении внимания, а в выборке мальчиков, напротив, носят, в первую очередь, защитный характер и связаны с попытками ограничить круг социальных контактов.

Выводы

Согласно результатам, полученным в ходе исследования, мальчики-подростки в большей степени, чем девочки, склонны к импульсивно-ответной киберагрессии, однако в целом уровень киберагрессии в выборках мальчиков и девочек не различается. Девочки-подростки в целом продемонстрировали несколько более высокую склонность к произвольным формам киберагрессии, в сравнении с мальчиками, а также тенденцию реализовывать посредством киберагрессии свои притязания на внимание со стороны партнеров по взаимодействию и использовать агрессивные проявления в интернет-коммуникации

как один из инструментов общения. Мальчики, напротив, более склонны использовать киберагрессию в целях защиты собственных границ в интернет-общении.

Наиболее высокие показатели киберагрессии оказались свойственны младшим подросткам (независимо от пола), тогда как среди старших подростков киберагрессия выражена менее ярко. В совокупности с данными об отрицательных взаимосвязях различных форм киберагрессии с показателями проблемности поведения и избегания как предпочитаемой копинг-стратегией, а также об отсутствии взаимосвязей между показателями склонности к киберагрессии и агрессивности, можно утверждать, что подростковая киберагрессия не может быть однозначно квалифицирована как индикатор проблем личностного развития, что предполагает смещение внимания психологов-исследователей на осмысление киберагрессии как одного из способов решения возрастных задач развития в подростковом возрасте в контексте закономерностей гендерной социализации подростков.

Литература

- Бочавер, А. А., Хломов, К. Д. (2014) Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, т. 11, № 3, с. 178–191.
- Войсунский, А.Е. (2016) Поведение в киберпространстве: психологические принципы. *Человек*, №1, с. 36–49.
- Грецов, А. Г., Азбель, А. А. (2006) *Узнай себя. Психологические тесты для подростков*. СПб.: Питер, 208 с.
- Копейко, Я. Ю. (2005) *Гендерные аспекты агрессивности: учебное пособие*. СПб.: Алетейя, 211 с.
- Романова, Е. В., Сытько, Т. И. (1997) *Проективные графические методики*. СПб.: Питер, 79 с.
- Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В., Львова, Е. Н. (2017) Онлайн-агрессия и подростки: результаты исследования школьников Москвы и Московской области. *Эпоха науки*, № 12, с. 103–109.
- Chibbaro, J. S. (2007) School counselors and the cyberbully: interventions and implications. *Professional School Counseling*, vol. 11(1), pp. 65–67.
- Gini, G., Card, N. A., Pozzoli, T. A. (2017) Meta-analysis of the differential relations of traditional and cyber-victimization with internalizing problems. *Aggressive behavior*, vol. 44, no. 2, pp. 185–198. DOI: 10.1002/ab.21742
- Goodman, R. (2001) Psychometric properties of the Strengths and Difficulties Questionnaire (SDQ). *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, vol. 40 (11), pp. 1337–1345.
- O'Moore, M., Minton, S. J. (2009) Cyber-bullying: The Irish experience. In: Tawse, S., Quin, C. (eds.) *Handbook of Aggressive Behaviour Research*. New York: Nova Science Publishers Inc., pp. 269–292.
- Runions, K. C. (2013). Toward a conceptual model of motive and selfcontrol in cyber-aggression: Rage, revenge, reward and recreation. *Journal of Adolescence*, vol. 42, pp. 751–771. DOI: 10.1007/s10964-013-9936-2.
- Runions, K. C., Bak, M., Shaw, T. (2017) Disentangling Functions of Online Aggression: The Cyber-Aggression Typology Questionnaire (CATQ). *Aggressive behavior*, vol. 43, pp. 74–84.
- Schoffstall, C. L., Cohen, R. (2011) Cyber Aggression: The Relation between Online Offenders and Offline Social Competence. *Social development*, vol. 20 (3), pp. 587–604. DOI: 10.1007/s10964-012-9787-2.
- Suler J., (2004). The Online disinhibition effect. *CyberPsychology & Behavior*, vol. 7, no. 3, pp. 321–326.
- Wright, M. F. (2017) Adolescents' Perceptions of Popularity-Motivated Behaviors, Characteristics, and Relationships in Cyberspace and Cyber Aggression: The Role of Gender. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, vol. 20, no. 6, pp. 355–361. DOI: 10.1089/cyber.2016.0693

References

- Bochaver, A. A., Khlokov, K. D. (2014) Kiberbulling: travlya v prostranstve sovremennykh tekhnologii [Cyberbullying: bullying in the space of modern technology]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of Higher school of Economics]*, vol. 11, no. 3, pp. 178–191. (In Russian)
- Chibbaro, J. S. (2007) School counselors and the cyberbully: interventions and implications. *Professional School Counseling*, vol. 11(1), pp. 65–67. (In English)

- Gini, G., Card, N.A., Pozzoli, T. A. (2017) Meta-analysis of the differential relations of traditional and cyber-victimization with internalizing problems. *Aggressive behavior*, vol. 44, no. 2, pp. 185-198. DOI: 10.1002/ab.21742 (In English)
- Goodman, R. (2001) Psychometric properties of the Strengths and Difficulties Questionnaire (SDQ). *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, vol. 40 (11), pp. 1337-1345. (In English)
- Gretsov, A. G., Azbel', A. A. (2006) *Uznai sebya. Psikhologicheskie testy dlya podrostkov [Get to know yourself. Psychological tests for adolescents]*. SPb.: Piter Publ., 208 p. (In Russian)
- Kopeiko, Ya. Yu. (2005) *Gendernye aspekty agressivnosti: uchebnoe posobie [Gender dimensions of aggressiveness: a study guide]*. SPb.: Aleteiya Publ., 211 p. (In Russian)
- O'Moore, M., Minton, S. J. (2009) Cyber-bullying: The Irish experience. In: Tawse, S., Quin, C., (eds.) *Handbook of Aggressive Behaviour Research*. New York: Nova Science Publishers Inc., pp. 269-292. (In English)
- Romanova, E. V., Syt'ko, T. I. (1997) *Proektivnye graficheskie metodiki [Projective graphic techniques]*. SPb.: Piter Publ., 79 p. (In Russian)
- Runions, K. C. (2013). Toward a conceptual model of motive and selfcontrol in cyber-aggression: Rage, revenge, reward and recreation. *Journal of Adolescence*, vol. 42, pp. 751-771. DOI: 10.1007/s10964-013-9936-2 (In English)
- Runions, K. C., Bak, M., Shaw, T. (2017) Disentangling Functions of Online Aggression: The Cyber-Aggression Typology Questionnaire (CATQ). *Aggressive behavior*, vol. 43, pp. 74-84. (In English)
- Schoffstall, C. L., Cohen, R. (2011) Cyber Aggression: The Relation between Online Offenders and Offline Social Competence. *Social development*, vol. 20 (3), pp. 587-604. DOI: 10.1007/s10964-012-9787-2 (In English)
- Soldatova, G. U., Chigar'kova, S. V., L'vova, E. N. (2017) Onlain-agressiya i podrostki: rezul'taty issledovaniya shkol'nikov Moskvy i Moskovskoi oblasti [Online aggression and adolescents: a study of schoolchildren in Moscow and the Moscow region]. *Epokha nauki [Era of science]*, no. 12, pp. 103-109. (In Russian)
- Suler J., (2004). The Online Disinhibition Effect. *CyberPsychology & Behavior*, vol. 7, no. 3, pp. 321-326. (In English)
- Voiskunskii, A. E. (2016) Povedenie v kiberprostranstve: psikhologicheskie printsipy [Behavior in cyberspace: psychological principles]. *Chelovek [Person]*, no. 1, pp. 36-49. (In Russian)
- Wright, M.F. (2017) Adolescents' Perceptions of Popularity-Motivated Behaviors, Characteristics, and Relationships in Cyberspace and Cyber Aggression: The Role of Gender. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, vol. 20, no. 6, pp. 355-361. DOI: 10.1089/cyber.2016.0693 (In English)